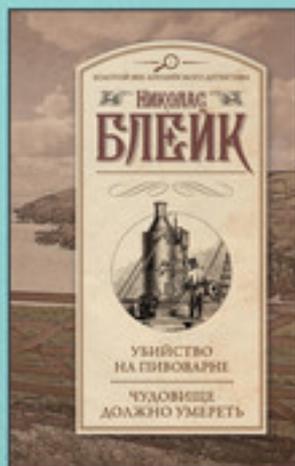


Николас Блейк

Убийство на пивоварне



*Часть сборника
Убийство на пивоварне.
Чудовище должно умереть
(сборник)*



Найджел Стрэнджвейс

Николас Блейк

Убийство на пивоварне

«АСТ»

1937

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Блейк Н.

Убийство на пивоварне / Н. Блейк — «АСТ»,
1937 — (Найджел Стрэнджвейс)

Кто лишил жизни богатого пивовара Юстаса Баннета – причем тем же жестоким способом, каким незадолго до этого был убит его любимый пес? Супруга, уставшая от его оскорблений? Работники пивоварни, над которыми он буквально издевался? Муж одной из красавиц, которым он не давал прохода? Или младший брат Джо, которому он сломал жизнь?.. Провинциальная полиция теряется в догадках. Найджел Стрейнджуэйс соглашается помочь...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Блейк Н., 1937
© АСТ, 1937

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николас Блейк

Убийство на пивоварне

Nicholas Blake
THERE'S TROUBLE BREWING

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов Peters, Fraser and Dunlop Ltd и The Van Lear Agency LLC.

Серия «Золотой век английского детектива»

© Nicholas Blake, 1937, 1938
© Школа перевода В. Баканова, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Джойс и Тедди

*Все персонажи, места и компании в этой книге вымышлены.
Автор выражает признательность господам Х. Сандеману Аллену,
Ф. У. Хэндзу и К. Миду за помощь с техническими деталями.*

Глава 1

Собака шутя начнет, да не на шутку разойдется.
Пословица

23 апреля, 16 июля

Говорят, даже самой паршивой собаке хоть раз, да повезет. Впрочем, крайне сомнительно, согласился ли бы Трюфель при жизни с таким утверждением. Погони за кроликами, невыразимо прекрасные кучи мусора, душевные встречи с товарищами на перекрестках – все те запретные удовольствия, что скрашивают уединенную жизнь собак из высшего общества, были не для него. Юстас Баннет держал своего пса (как и всех, с кем имел дело) на коротком поводке. Казалось бы, жена, брат, пивоварня и городской совет должны были с лихвой утолять жажду власти усопшего (хотя и не оставившего после себя доброй памяти) господина. Однако думать так означало недооценивать и его самого, и коварнейший из грехов, который, по справедливому замечанию Эдмунда Бёрка¹, «понемногу истребляет в сердце всякое человеческое достоинство». Да, жизнь Трюфеля была собачьей решительно во всех смыслах. Даже та безграничная преданность, которой славится его племя, подвергалась серьезному испытанию в лице Юстаса Баннета.

И все же под конец удача не обошла Трюфеля стороной. Искупило ли это побои, которые сыпались на беднягу всю жизнь, я судить не берусь. Во всяком случае, его ждала посмертная слава, а лучшей доли (за неимением счастья) и пожелать нельзя. Для Трюфеля сбылось главное чаяние всех обездоленных и угнетенных. Хитрая, трусоватая мордочка пса появилась в каждой британской газете, вытеснив с первых полос чем-то похожее на него Гитлера, невротично-бульдोजье лицо Муссолини, поджатые губы премьер-министра Болдуина и неприкрытое обаяние красоток в купальниках. В смерти, как и при жизни, Трюфель был неразлучен с хозяином. Морду терьера неизменно сопровождала физиономия Юстаса Баннета: капризный рот, пенсне, которое особенно привлекало внимание к холодному самодовольному взгляду, – все в этом человеке выдавало язвительность, чванство и затаенную жестокость. А уж заголовки!..

Впрочем, мы забегаем вперед, как сказал один маленький мальчик, подхватив простуду в канун Рождества. Когда Найджел Стрейнджуэйс получил небезызвестное письмо, он, конечно, и не подозревал, какие зловещие события поджидают его впереди, иначе принял бы приглашение с большей охотой. Найджел отправился бы куда угодно, если поездка сулила запутанное преступление. Чего он всеми силами избегал, так это собраний литературных клубов, а как раз на такое собрание в Мэйден-Эстбери его и пригласили. Вот это самое послание, которое он позже вложил в папку с делом Баннета как вещественное доказательство номер один:

Дорсет, Мэйден-Эстбери, Паунд-стрит, дом 3.

Дорогой мистер Стрейнджуэйс!

Позвольте мне как секретарю местного литературного клуба (с виду неказистого, зато родного!) пригласить Вас с лекцией на наше собрание. Мы проштудировали Вашу чудесную книгу о каролингских поэтах и мечтаем встретиться с автором. В конце концов, желание, как говорится, «воочию увидеть Шелли» – слабость вполне простительная и сама по себе

¹ Эдмунд Бёрк (1729–1797) – английский политический деятель, публицист и философ. (Здесь и далее примеч. пер.)

*оправдывающая дерзкую просьбу. Я знаю, до чего вы, писатели, занятой народ, но не сомневаюсь, что наши восторги окупят потраченное Вами время. Боюсь, мы не сможем предложить Вам деньги; впрочем, если нужно покрыть расходы, мы готовы устроить подписку! Приезжайте, если сможете, – нам подойдет любой день июня или июля.
Искренне Ваша, Софи Кэммисон.*

P. S. Мы живем в краю Томаса Гарди.

P. P. S. Мой супруг знал Вас в Оксфорде и будет рад возобновить знакомство.

– М-да... – сказал Найджел, уныло изучая письмо за утренней чашкой чая. – Вот к чему приводит увлечение писательством. И почему я не избрал прямую стезю детектива?..

– И к чему же оно приводит? – спросила с соседней кровати Джорджия.

– А, ты здесь... Все никак не привыкну по утрам находить в спальне женщину.

– Это гораздо лучше, чем найти в спальне змею, как случилось, когда я...

– Я тебя умоляю, оставь эти воспоминания для «Трех тысяч миль по бушу на мотоцикле с коляской», или как ты там назовешь свои путевые заметки.

– Какой ты милый! Все-таки хорошо, что я за тебя вышла.

– А знаешь, поезжай-ка вместо меня.

– Да скажи наконец, в чем дело!

– Вот в чем! – Он помахал письмом. – Какая-то мерзкая ведьма ждет, что я отправлюсь в Дорсет и выступлю с речью на собрании ее треклятого литературного клуба. Литературный клуб, тоже мне!

– Дай-ка взглянуть.

– И заметь, как она жеманна, – продолжал Найджел. – Так и вижу ее выцветшие лиловые глаза навывкате. Наверняка она брызжет слюной, когда разговаривает, а ее подруги вздыхают: «Бедняжка Софи – такая тонкая натура!» Она явно из тех старых дев...

– Почему же «старых дев»? В постскриптуме сказано, что Софи Кэммисон замужем.

– Я никогда не читаю постскриптумы: от них только и жди подвоха.

– На самом деле их там два. В первом она пишет: «Мы живем в краю Томаса Гарди»...

– Что и так очевидно из адреса наверху.

– ...А во втором утверждает, что ее муж знал тебя в Оксфорде.

Найджел сел в постели.

– Ага, это уже интересно!

– Ты его помнишь?

– Да, смутно. Но я другое имел в виду: почему эта жеманная карга упомянула про мужа в самом конце? Она явно его ревнует и держит под каблуком, а подругам жалуется, что Герберт – сухарь и не понимает ее. Уверен, миссис Кэммисон считает своим призванием нести в жизнь мужа культуру, духовные ценности и прочую дребедень; и, если меня насчет него не подводит память, работенка ей досталась не из легких. Впрочем, к этому времени Герберт наверняка повержен. От жен другого и не жди.

– Неужели?

– Именно так.

– Не верю ни единому слову. Держу пари, Софи Кэммисон – в высшей степени разумная женщина, да и красотой под стать своему чувству юмора. Насмешливый тон был взят неспроста, а ты и заглотнул крючок по самые жабры.

– Какие подробности... И ты считаешь, я отправлюсь туда задаром – «впрочем... мы готовы устроить подписку, восклицательный знак», – только чтобы выиграть у тебя жалкий фунт?

– Нет, чтобы его проиграть.

– Что ж, решено. Я поеду и докажу свою правоту. И потом, мне любопытно взглянуть, во что превратился старина Кэммисон.

– Выходит, твой интерес к людям опять победил? Ты воплощенная мечта издателя, – поморщилась Джорджия.

– Знаешь, в холодном утреннем свете ты просто вылитая обезьянка.

– Мой милый Найджел!

– Хорошо, не вылитая, но отдаленное сходство есть. Литературный клуб! Интерес к людям! Тьфу!

Однако история, к которой привело это нелепое пари, оказалась и впрямь куда интереснее, чем он ожидал...

Пока поезд, испуская клубы дыма, пробирался сквозь буйный дорсетский пейзаж, Найджел перечитывал письмо миссис Кэммисон. С поездкой он уже примирился. Джорджия, чья необъяснимая тяга к самым дальним и неуютным уголкам планеты снискала ей славу неутомимого исследователя, отбыла на Внешние Гебриды, и Найджел с чистой совестью мог отправиться куда угодно, хоть в Дорсет. Его даже не пугала перспектива благоговейного паломничества к Меллстоку и Эгдонской пустоши² в компании жеманной миссис Кэммисон. В том, что Джорджия ошибалась, сомнений быть не могло. «Софи Кэммисон, – думал Найджел, изучая ее письмо, – непременно окажется из породы игривых кошечек, в чьих мягких лапках прячется набор преползлых когтей. Она, конечно, из тех, кому только дай покомандовать: не литературным кружком, так благотворительным комитетом, женской консервативной лигой, обществом спасения, клубом сохранения кустарных ремесел, вечеринками народных танцев – мало ли на свете занятий, под предлогом которых праздные особы любят совать свой нос в чужие дела». Что ж, Найджелу не страшны ее когти.

В назначенный час ветхий автобус доставил его по главной улице, узкой и крутой, к дому номер три на Паунд-стрит. Каменные стены невысокого величественного здания в предвечерних лучах отливали абрикосовым светом. Медная табличка на двери гласила: «Герберт Кэммисон, член Королевского колледжа хирургов». «Да, – вспомнил Найджел, – Кэммисон изучал медицину». И какая, хотелось бы знать, алхимия превратила того необузданного, циничного школяра в образец врачебного такта и профессионального этикета? Тот Герберт, однажды развесивший на веревке через двор все ночные вазы их колледжа, теперь явно был неспособен во весь голос ухнуть в стетоскоп. «Tempora mutantur, et nos mutamur in illis»³, – пробормотал Найджел, переступая порог. В прихожей было темно и прохладно, под ногами гулким эхом отзывались каменные плиты. Горничная взяла чемодан и проводила Найджела в гостиную. Он решил с самого начала дать понять Софи Кэммисон, что не потерпит никаких выходов в свой адрес, однако этот решительный план провалился. Не заметив двух ступенек у входа, Найджел не столько предстал пред глазами хозяйки, сколько пал ей в ноги. Пока он оправлялся и шурился от яркого света, веселый голос произнес:

– Ничего страшного, в первый раз все спотыкаются. Вечно Грейс забывает предупредить гостей.

Найджел пожал руку обладательнице голоса. Миссис Кэммисон была хорошо сложена, румяна и голубоглаза – само воплощение здоровья. На вид ей было не то двадцать пять, не то хорошо за тридцать. Она могла сойти за молочницу с викторианской пасторали, если бы

² Меллсток, Эгдонская пустошь – вымышленные топонимы, где разворачивается действие нескольких романов английского классика Томаса Гарди и которые он наделил чертами родного графства Дорсет.

³ Времена меняются, и мы меняемся с ними (*лат.*).

не роскошное платье и очки в роговой оправе, которые совершенно не шли ее свежему лицу. Найджел невольно пробормотал:

– Все-таки Джорджия не ошиблась.

– «Джорджия не ошиблась»? Джорджия – так зовут вашу супругу?

– Да. Это долгая история и в некотором смысле постыдная.

– Обязательно расскажите! У нас будет время за чаем. Вы ведь еще не пили чай? Простите, что не встретила вас на вокзале, – Герберту понадобилась машина.

Найджел приступил к еде – как всегда, с большим удовольствием. Миссис Кэммисон по-матерински заботливо наблюдала за ним, а спустя какое-то время напомнила:

– Так что там за постыдная история?

– Как вам сказать, – осторожно начал Найджел, – все дело в вашем письме. У меня, э-э, сложилось о вас одно мнение, а у Джорджии – другое.

– История оказалась не такой уж длинной.

– Это потому, что я опустил... постыдные подробности.

– Могу себе представить.

– Надеюсь, не можете. Нет, правда, вы ни капли не похожи на ваше письмо.

В глазах Софи Кэммисон блеснул огонек. Ничуть не смутившись, она ответила:

– А вы ни капли не похожи на знаменитого сыщика-любителя.

– Боже, – расстроился Найджел, – так вы все знаете?

– Я же читаю газеты. Год назад, после того случая в Четкуме, только и разговоров было что о вас. Это ведь тогда вы познакомились со своей супругой?

– Да. И как, по-вашему, должен выглядеть сыщик-любитель?

– Я вам отвечу, если скажете, как, по-вашему, должна была выглядеть я.

– Что ж, пеняйте на себя.

Миссис Кэммисон запрокинула голову и от души расхохоталась. Ни один мужчина не останется равнодушным, когда женщина смеется над его убеждениями, даже высказанными полшутя.

– Зачем вы сбили меня с толку своим письмом? – спросил Найджел с ноткой обиды в голосе. – Из-за вас я проиграл фунт.

– Я решила, что писателю такая манера придется по душе. Если он глуп, письмо польстит его самолюбию, а если нет, то сумеет прочесть между строк.

– А поскольку я не сумел...

– О, я вовсе не то хотела сказать... – Миссис Кэммисон густо покраснела. Вид у нее в эту минуту был глуповатый, однако Найджел подумал: «Нет, она не глупа. Природная уверенность в себе избавила ее от необходимости учиться изяществу. У нее отточенный интеллект, но сердце вовсе не черствое. Из истории с письмом ясно, что миссис Кэммисон умна: умна озорным умом, по верхам, по-обезьяньи. Вероятно, даже имеет талант к подражанию». Вслух Найджел заметил:

– Теперь ваша очередь признаваться в своих заблуждениях.

– Что ж... Кажется, я представляла настоящего сыщика в духе Шерлока Холмса, отца Брауна и Эркюля Пуаро.

– Странная личность бы вышла! Рослый и невысокий, полный и худой...

– Не перебивайте. Этот сыщик видит вас насквозь, а из невиннейших замечаний делает самые зловещие выводы. И, разумеется, он большой чудак. Вы чудак?

– Трудно сказать. Одни мои друзья жалуются, что у меня слишком много чудачеств, другие говорят – слишком мало.

– По мне, так вы вполне заурядный.

Найджел, обычно гордившийся своей неприметной внешностью, все же немного обиделся. «Странно, – подумал он, – что эта безыскусная особа видит меня насквозь. Странно,

может, потому, что каждое ее слово звучит неподдельно искренне». Защищаясь от прямоты миссис Кэммисон, он решил взять легкомысленный тон.

– И как в ваших краях обстоят дела с преступлениями? Может, для меня найдется симпатичное нераскрытое убийство? Или шантаж? Буду рад услужить.

На мгновение воцарилась пауза. Затем Софи Кэммисон сказала:

– Боюсь, что нет. Мы здесь чрезвычайно законопослушны. Кстати, с вами жаждет познакомиться мистер Баннет. Он и еще два-три гостя заглянут к нам после собрания. Надеюсь, вы не будете возражать.

Найджел, правду сказать, очень даже возражал, но такова уж писательская доля – развлекать «двух-трех гостей» после каждой подобной встречи, отвечать на вопросы, выслушивать мнения и принимать рукописи, даже если падаешь с ног от усталости. Делать нечего, пришлось вежливо ответить, что он будет польщен.

Только час спустя, переодеваясь к обеду, Найджел вспомнил весь этот разговор. Что-то в нем было не так, но что? Миссис Кэммисон говорила, будто сыщики делают злоеющие выводы из невиннейших замечаний. Это, разумеется, справедливо, а еще справедливее, когда речь идет о заминках в ответах. Ах вот оно что! За его легкомысленным вопросом о преступлениях последовала пауза – короткая, но совершенно излишняя. А потом, когда Софи ответила: «Боюсь, что нет», ее голос прозвучал слишком обыденно. И тут же она сменила тему. Конечно, это было в характере Софи, однако Найджел знал: если человек внезапно уходит от разговора, зачастую он бессознательно перекидывает мостик от старого предмета обсуждения к новому. Но что общего могло быть между преступлением и встречей с гостями, не считая того, что подвергать измученного писателя такому испытанию само по себе преступление? Софи назвала одного из гостей по имени – как там его? Да, некий мистер Баннет. Может быть, родственник автора «Величальной песни в фа мажоре» (если Найджел не перепутал тональность), что в чести у сельских хоров.

Случилось так, что имя мистера Баннета неожиданно всплыло за обедом, хотя и в связи с делами, бесконечно далекими от церковной музыки. Найджел твердо верил в силу первого впечатления. Он полагал, что в первые десять минут знакомства о человеке можно узнать больше, чем в последующие десять дней: вначале ум беспристрастен, а интуиция подобна гладкой восковой дощечке, готовой к свежему отпечатку. Потягивая херес и болтая о пустяках, Найджел внимательно изучал миссис Кэммисон и ее супруга – и не узнавал в этом смуглом молчаливом враче шалопая, каким тот был десять лет назад. Лицо Кэммисона отличалось особой непроницаемостью, голос звучал тихо и уклончиво. Две морщины на переносице могли означать тревогу или сосредоточенность. Движения были по-кошачьи вкрадчивыми, и в то же время в них сквозило безупречное самообладание. Руки, спокойные и чувствительные – настоящие руки хирурга, – будто по собственному желанию орудовали вилок, ножом и бокалом. Усни или умри их владелец, они и тогда продолжали бы работать. Лишь однажды за весь обед, когда в разговоре наступило затишье, на лице Кэммисона появилась улыбка, теплая и участливая. Он улыбался жене.

Супруги явно жили в ладу. В отличие от многих неудачно сложившихся пар, они не обменивались ледяными колкостями на глазах у гостя и не соперничали за его внимание. Найджел как раз лениво раздумывал, почему Софи Кэммисон, такая румяная и черноволосая, предпочитает в одежде пресные пастельные тона, а не более грубые, варварские оттенки, когда за столом неожиданно всплыло имя Баннета. Кэммисон предложил гостю выпить пива или виски. Найджел выбрал пиво. Этикетка на бутылке гласила: «Пивоварня Баннета, Мэйд-Эстбери, Дорсет».

– Это имеет какое-то отношение к человеку, с которым я встречу вечером? – спросил Найджел и тут же почувствовал напряжение.

– Да, он владелец местной пивоварни, – осторожно ответила миссис Кэммисон и, повернувшись к мужу, поспешила добавить: – Мистер Баннет хотел познакомиться с мистером Стрейнджуэйсом, поэтому я пригласила его и еще нескольких гостей зайти к нам после встречи.

– Вот оно что, – сказал Герберт Кэммисон. – Ясно.

На первый взгляд это были самые обычные реплики, однако Найджелу почудилось, что интонация миссис Кэммисон подразумевала: «Не показывай удивления, Герберт, положишься на меня», а муж ответил ей выразительнее, чем того требовали обстоятельства.

– Что ж, – с обычной угрюмостью произнес Кэммисон, – твое здоровье. – Он поднял бокал и оттопырил в сторону Найджела мизинец, перекинув этим жестом неожиданный мостик между Мэйден-Эстбери и Оксфордом. – Как знать, не пьем ли мы Трюфеля, – добавил он.

– Пьем трюфели? – удивился Найджел.

– Герберт! – выдохнула миссис Кэммисон. – Это омерзительно! К тому же то пиво еще не успело созреть.

– Я бы не возражал, – невозмутимо произнес Герберт. – Чем наваристей, тем вкусней.

– О чем вы говорите? Какой-то старый дорсетский рецепт?

– Не совсем, – ответил Кэммисон. – Неделью-две назад Трюфель свалился в пивной котел. Трюфель – это пес Юстаса Баннета. По мне, так легко отделался. Баннет поднял из-за этого большой шум.

– Легко отделался?

– Да, – сухо ответил Кэммисон. – Я подозреваю Юстаса Баннета в склонности к садизму. Помимо прочего.

– Герберт! – воскликнула Софи.

Тот мрачно ответил:

– Что ж, возможно, «подозреваю» – неудачное слово. Все мы знаем...

– Вы не будете возражать, если по окончании лекции вам зададут несколько вопросов? – оборвала его Софи.

– Боюсь, уговор обязывает, – скривился Найджел.

После обеда они отправились в местную ратушу: пыльную, безрадостную, пропахшую политурой и чайной заваркой. «Здесь-то, – подумал Найджел, – и творятся все ужасы Мэйден-Эстбери – от благотворительных распродаж до коронерских дознаний». Вся городская, с позволения сказать, интеллигенция была в сборе. Найджела представили крупной одышливой даме с застывшим на лице чувством гражданского долга («это мисс Меллорс, наш председатель»). Надлежащим образом задрапированная, она могла бы сойти за статую Богини общественной службы. Богиня отвела Найджела к помосту, совершила очистительный ритуал с бутылкой одеколона и прогромыхала:

– Рада, что вы приехали. Много народу пришло. Волнуетесь?

– Едва дышу. Впрочем, я укрепил дух бодрящим напитком, который производит ваш мистер Баннет. Достойная штука, не правда ли?

– Достойная? Не сказала бы. Я, знаете ли, вице-председатель Общества трезвости. Мы ставим своей целью раздавить зеленого змия.

– О... – протянул Найджел. Под ногами мисс Меллорс и впрямь не выжил бы ни один змий. Полистав заметки, Найджел решил присмотреться к публике. Преобладали люди из низов среднего интеллекта. Найджел засомневался, понравится ли им лекция о послевоенных поэтах, но отступить было поздно. Передний ряд занимали: две почтенные леди с огромными, как рога изобилия, слуховыми трубками; мальчик с леденцом в руке и непокорством во взгляде – вполне объяснимым, если его притащили сюда силком; пасторального вида дама (очевидно, мать мальчика), для которой цены на скот явно были милее синкопи-

ческих ритмов. Затем следовали пожилой джентльмен, загодя приставивший к уху ладонь, две монашки, три пустых стула и счастливый викарий.

– И все эти люди... входят в литературный клуб? – робко обратился Найджел к мисс Меллорс.

– Нет-нет. Мы устроили открытую встречу. В конце подадут кофе и бутерброды.

«А, – подумал Найджел, – это все объясняет. Впрочем, она могла бы проявить больше такта. Хлеба и зрелищ – а я, видимо, вместо зрелищ».

– Только приличная публика, разумеется, – добавила мисс Меллорс.

– Разумеется!

Мисс Меллорс поднялась для приветственной речи – многословной и несколько сбивчивой, – а Найджел тем временем продолжил изучать собравшихся. С третьего ряда на него холодно взирал джентльмен в пенсне. Найджелу он сразу пришелся не по душе: круглое лицо и узкий, капризный рот неприятно сочетались с колюче-злыми глазами. Не сводя с Найджела взгляда и презрительно скривив губы, джентльмен что-то сказал маленькой невзрачной женщине, сидевшей рядом. Та посмотрела на него с собачьей покорностью. Поодаль Найджел увидел своих радушных хозяев. Герберт, как обычно, был непроницаем, а Софи одарила гостя озорной улыбкой. Справа располагался молодой человек с бакенбардами, одетый в запачканный твидовый костюм и рубашку цвета хаки. Юноша всем своим видом показывал, что не имеет с этим собранием ничего общего. Пренебрежительно надутые губы кого-то смутно напомнили Найджелу – вот только кого? Рядом сидел еще один молодой человек – Впрочем, тот уже спал. Найджел без труда определил в нем представителя местной прессы.

Мисс Меллорс тем временем разошлась. Она говорила взволнованным, чопорным тоном – видимо, специально прибереженным для таких случаев. Ее прежний раскатистый голос нравился Найджелу больше.

– ...Конечно, нам льстит, что такой знаменитый писатель, как Найджел Стрейнджуэйс, почтил нас своим присутствием. Однако мы наслышаны не только о его литературной славе. Не сомневаюсь, что, как выдающийся детектив, он сдернет сегодня завесу тайны с современной поэзии. Большинству из нас без его помощи не обойтись. Ха-ха! – («Правильно! Правильно!» – заголосил вдруг старичок в первом ряду.) – Что ж, вы здесь не для того, чтобы слушать меня, поэтому я без лишних слов прошу мистера Найджела Стрейнджуэйса прочесть нам свою чудесную лекцию. Мистер Стрейнджуэйс.

Найджел встал и прочел им свою чудесную лекцию...

Ее окончание отметили кофе и бутербродами. Затем перешли к вопросам.

Рябой господин с седыми усами незамедлительно встал и разразился гневной речью против большевистских брожений в умах молодых поэтов. Отповедь закончилась на вопросительной ноте, но, поскольку все вопросы в ней были сугубо риторическими, Найджелу пришлось ограничиться признанием, что последний оратор дал много пищи для размышлений.

Довольно привлекательная юная леди зарделась и сообщила, что в современной поэзии, по ее мнению, нет музыки.

Найджел привел несколько цитат в опровержение этой ереси.

Гораздо менее привлекательная юная леди с выступающими зубами и теософическим блеском в глазах спросила:

– Что вы скажете о музыке сфер?

Это был первый за вечер вопрос в строго грамматическом смысле, и Найджел, не зная ответа, приумолк. Из затруднения его вывел молодой человек в рубашке цвета хаки.

– Что вы думаете о сюрреализме? – вызывающе спросил он.

Найджел постарался в самых непредосудительных выражениях сообщить свое мнение об этом предмете. Молодой человек по всем признакам приготовился к воинственной речи,

но его разом оборвали ледяной взгляд мисс Меллорс и поднявшийся с места господин – тот, что с самого начала так не понравился Найджелу.

– Мистер Баннет, – подсказала мисс Меллорс.

«Вот это кто... – подумал Найджел. – Я мог бы и догадаться».

Все взгляды устремились на владельца пивоварни. Тот поправил пенсне и сухо откашлялся.

– Я не думаю, – сказал он надтреснутым голосом, – что разговор о сюрреализме послужит к нашей выгоде. Пусть мы не так искушены в литературных делах... – Он кивнул в сторону последнего выступающего, – но отличить сумасшествие от здравого смысла пока еще можем.

– Правильно! Правильно! – поддержал его рябой господин.

Мистер Баннет снял пенсне и ткнул им в сторону Найджела.

– Кажется, вы, сэр, утверждали, что современные поэты чувствуют себя обязанными держаться правды, исследовать реальность, какой бы тягостной и уродливой она (боюсь, вместе с плодами их поэтических потуг) ни была. Вот что я об этом думаю. Считайте меня ретроградом, если хотите, но у меня есть мой Теннисон, мой Браунинг, мой, э-э, Шекспир, – и никакая реальность в поэзии мне не нужна. Ее хватает в обычной жизни. Когда мне понадобится реальность, я загляну на скотобойню.

Мистер Баннет со значением замолчал. Его невзрачная спутница хихикнула, и остальная публика вежливо подхватила смех.

– Нет, сэр, – продолжал мистер Баннет, дребезжа, как церковный орган, – от поэта мне нужна Красота. Пусть он заставит меня позабыть обо всем уродливом и сложном, что есть в этом мире, пусть проведет меня в волшебную страну.

– Что ж, ни один современный поэт вас не проведет, это точно, – отозвался Найджел самым вежливым и невозмутимым тоном.

Публика тревожно задумалась, как расценивать эти слова. В зале будто сгустилась полярная ночь. Один только звук – то ли фырканье, то ли храп – прорезал тишину. То был представитель прессы.

– Кажется, у вас в городе не принято дерзить мистеру Баннету, – заметил Найджел, возвращаясь в компании миссис Кэммисон.

– Да, – спокойно ответила она. – Он, что называется, уважаемый член общества. – С внезапным смешком она потрясла воображаемым пенсне и задребезжала: – Пусть он проведет меня в волшебную страну, – а после обычным голосом пробормотала себе под нос: – Не так уж это нелепо. Волшебники ведь бывают и злыми.

Найджел проглотил вопрос, который вертелся у него на языке, и беззаботно сказал:

– У вас настоящий талант к подражанию.

– Да, мне говорили. Обязательно прогуляйтесь по этой улочке при лунном свете: здесь можно увидеть необыкновенную игру теней. Жаль, что полнолуние уже миновало.

И как только уживались в этой женщине прямота и загадочность?! Ее слова о тенях и луне почему-то напомнили Найджелу «Сапфическую оду» Брамса. Он принялся тихонько насвистывать мелодию и еще не успел закончить, как у самого дома Софи Кэммисон сжала его плечо:

– Найджел, вы больше не будете дерзить мистеру Баннету?

Ее голос был спокойным и ровным – но почему тогда Найджел почувствовал, как от этих слов по спине пробежали мурашки, будто призрак страха коснулся его холодной цепкой рукой?

Пять минут спустя уютная и неприбранная гостиная Кэммисонов наполнилась людьми. Мисс Меллорс заняла почти весь диван. Найджела представили Юстасу Баннету

и его жалкой спутнице (как оказалось, супруге), затем Гэбриэлу Сорну – юноше в рубашке цвета хаки – и прочим гостям, чьих имен он не запомнил. Герберт Кэммисон сноровисто разливал выпивку, поднимая бокалы на свет, как будто это были пробирки в лаборатории. С невозмутимым видом он повернулся к мисс Меллорс:

– Виски, херес, коктейль или томатный сок?

– Ах вы, негодник! – игриво засмеялась она. – Хотите, чтобы я нарушила обет?

Доктор явно был у нее в любимчиках.

– Миссис Баннет?

Та еле заметно вздрогнула и выдохнула:

– Мне? Херес. Глоток хереса, пожалуйста. – Она сконфуженно посмотрела на мужа.

– Ты уверена, что не выпьешь воды со льдом, Эмили? – продребезжал Юстас Баннет, позвякивая ключами в кармане.

Повисла неловкая пауза.

– Воды со льдом нет, – строго произнес доктор.

Эмили Баннет поймала взгляд Найджела, густо покраснела и сказала:

– Нет, дорогой, я буду херес.

Было заметно, как на лице ее мужа выступили скулы. Интересно, когда она в последний раз осмеливалась отстаивать свои права? Можно было не сомневаться, Юстас Баннет ей этого не спустит. Найджелу он все больше не нравился.

Некоторое время говорили о пустяках. Затем Гэбриэл Сорн, подойдя к Найджелу, завел речь о сюрреализме. Говорил он хорошо. Вскоре остальные с интересом слушали их беседу. Как только Сорн это понял, его восторженная, чуть наивная манера переменялась. Скривив губы в театральнo-цинической усмешке, он произнес:

– Конечно, преимущество метода в том, что вы не отвечаете – по крайней мере, осознанно – за то, что творите, а значит, неуязвимы для критики.

– Разве вы сейчас не идете против своих убеждений? – мягко спросил Найджел. Юноша вздрогнул и уставился на него почти уважительно, затем отпил виски (пил он в тот вечер много) и воскликнул:

– Мне не привыкать! Я всю жизнь только и делаю, что предаю себя. Я ведь пивной бард, вы не знали?

Юстас Баннет, сняв пенсне, хотел было что-то сказать, но Сорн его опередил.

– Да, – все больше увлекался он, – вы наверняка видели мои... вирши по случаю, назовем их так. «Покупайте пиво «Баннет», лучше в мире не бывает».

Юстас Баннет с ледяной учтивостью перебил его:

– Мистер Сорн занимается нашей рекламой, мистер Стрейнджуэйс. Помимо... прочих обязанностей.

– Что ж, это даже к лучшему, – сказал Найджел. – Я только рад, когда поэзия идет в народ. Пусть простые люди получают представление о стихе – на плакате, в кино, где угодно. Тем больше шансов заинтересовать их чем-нибудь посерьезней.

– Я не согласен, – возразил Сорн. – Поэзия никогда больше не будет популярной. Ее удел – взывать к узкому кругу посвященных и тонко чувствующих. Я...

– Нет, Гэбриэл, – оборвал его мистер Баннет, – мы не позволим тебе в одиночку завладеть нашим знаменитым гостем. Ступай поговори с миссис Кэммисон.

Сорн сжал кулаки. Найджел на секунду испугался, что скандала не избежать, однако юноша опустил плечи, по-детски пнул каминную решетку и удалился. Мистер Баннет, явно недовольный поведением подчиненного, встал перед камином, широко расставив короткие ноги, провел рукой по воздуху – будто разгладил листок промокашки – и произнес:

– Я хочу предложить вам задачку, мистер Стрейнджуэйс, для решения которой потребуется скорее ваш талант детектива, чем литератора.

Найдзелу показалось, будто все разговоры в комнате оборвались на полуслове: гости застыли, как в детской игре в статую. Мистер Баннет умел держать публику в напряжении.

– Да, – продолжал он, – вам это будет интересно. Две недели назад – второго числа сего месяца, если быть точным, – пропал мой фокстерьер по кличке Трюфель. Позже рабочие нашли его, когда чистили кипяtilьный котел. От пса, конечно, мало что осталось, но мы опознали его по металлической бирке на ошейнике.

Юстас Баннет со значением замолчал.

– А при чем здесь я? – спросил Найджел.

– Насколько я понимаю, вас интересуют преступления, – без тени улыбки сказал пивовар. – Я нисколько не сомневаюсь, что пса убили.

Гости, понемногу начавшие оживать, замерли снова. Доктор Кэммисон застыл, занеся над бокалом бутылку.

– Но... – выдавил Найджел, – разве не разумнее предположить, что пес упал в котел случайно – в погоне за крысой, например?

Мистер Баннет протестующе поднял руку:

– Позвольте мне изложить факты. Трюфель каждое утро совершал со мной обход пивоварни. В кабинете я держал для него корзину, а самого пса приковывал к ножке стула крепкой стальной цепью. Тем утром мне пришлось на пару минут отлучиться. Когда я вернулся, Трюфеля на месте не оказалось. Он не сам выбрался из ошейника. Кто-то отстегнул поводок.

– Пусть так, но вы же не думаете, будто какой-нибудь ваш работник выкрал его и бросил в котел? Наверняка поводок отстегнули шутки ради, а пес заблудился и неожиданно-негаданно нашел свою смерть.

– Котел, в котором его обнаружили, высотой в шесть футов, а Трюфель был старый и малоподвижный пес.

«Неудивительно, – подумал Найджел, – всю жизнь просидеть на цепи».

– Я допросил рабочих, однако виновника не нашел. – Голос Юстаса Баннета стих. Он едва слышно добавил: – Я очень хочу знать, кто это сделал.

Найджела всерьез напугал его тон. Словно для того, чтобы дать мистеру Баннету оправдаться, он спросил:

– Вы так любили Трюфеля?

– Пес был моей собственностью, мистер Стрейнджуэйс.

Все умолкли, обдумывая эти слова.

– Не понимаю, к чему устраивать такую шумиху из-за какой-то собаки, – вдруг сказала мисс Меллорс. – Почему вы не обратились в полицию?

– Я обращался, – холодно ответил мистер Баннет. – Они заявили, что ничем не могут помочь. Поэтому теперь я обращаюсь к мистеру Стрейнджуэйсу.

Найджел тайком ущипнул себя. Нет, как ни сложно было в это поверить, но он не спал.

– Вы хотите, чтобы я устроил расследование? – уточнил Найджел. – Мне это дело кажется... – Он едва не сказал «сплошным фарсом», но, вспомнив недавний разговор с Софи, быстро поправился: – ...крайне нестандартным.

Мистер Баннет улыбнулся – то есть в его глазах мелькнула какая-то искра, хотя рот оставался на редкость унылым.

– Вот уж не думал, что толика, как вы изволили выразиться, «нестандартности» может поставить в тупик поклонника современной поэзии. Разумеется, у вас будет свободный пропуск на пивоварню, а также полномочия допрашивать моих подчиненных. Эта задачка подержит вас в форме до следующего громкого убийства.

Предложение мистера Баннета было до того странным, что Найджел почувствовал искушение его принять. Но нет, очень уж мерзок был этот сухой, мстительный тип, жаждущий подчинить себе всех вокруг.

– Боюсь, сэр, я не могу...

– Бога ради, соглашайтесь. Нам всем покоя не будет, пока дело не прояснится.

В раздраженном голосе Гэбриэла Сорна Найджелу послышалась искренняя мольба.

– Хорошо, – решил он. – Я согласен. Хотя должен заметить, что по-прежнему считаю смерть вашего пса случайностью.

– Буду только рад, если вам удастся убедить меня в этом, – заметил мистер Баннет. – Дайте-ка подумать. Завтра утром меня на пивоварне не будет. Если придете вечером, к чаю, я вас встречу и распоряжусь, чтобы вам показали место. Не знаю, берете ли вы плату за такие дела. Полагаю, что нет, но...

– Двадцать пять гиней вперед и по пять гиней ежедневно – вот моя минимальная плата.

Мистер Баннет изумленно уставился на него, однако Найджел напустил на себя самый серьезный и деловой вид.

– Ну, мистер Стрейнджуэйс, это уже... То есть я думал о небольшом гонораре – скажем...

– На меньшее я не согласен, мистер Баннет.

– Вот как?.. Что ж, хорошо.

Найджел впервые увидел на лице Юстаса Баннета замешательство.

Глава 2

Он варил, ему и расхлебывать.
Бен Джонсон

17 июля, 8.00–17.15

Найджел проснулся от безжалостного щебета воробьев и протяжного звона монастырских часов, отбивавших восемь. За окном тянулись вдаль островерхие городские крыши, устланные серой черепицей и поросшие мхом. Взгляд невольно цеплялся за их несоразмерные угловатые формы, похожие на замерзшую поверхность зыбкого серо-зеленого моря: тот, кто проектировал эти дома, явно ничего не знал о градостроительстве, зато чутье у него было безошибочное. Солнце щедро омывало город сиянием, но холмы вдалеке все еще укутывал туман, предвестник полуденного зноя. Найджел лениво задумался, под которой крышей расположена пивоварня. Может, под той, кирпичной? В утреннем свете было непросто всерьез воспринимать мистера Баннета с его невероятной задачей. Прошлым вечером Найджел отправился ко сну в полной уверенности, что Баннет на редкость мерзкий и опасный тип, но теперь приписывал свою несколько истерическую оценку влиянию литературного клуба Мэйден-Эстбери. Спускаясь к завтраку, Найджел размышлял, в каких словах опишет Джорджии это сообщество.

– Надеюсь, вы поправили силы? – осведомилась миссис Кэммисон.

– Поправил силы? Ах да, спасибо. Испытание оказалось не таким тяжелым, как я боялся. Я только думаю, удобно ли будет остаться здесь еще на несколько дней? Я мог бы...

– Оставайся, сколько захочешь, – сказал Герберт Кэммисон.

– Неужели вы решили взяться за это нелепое дело? – спросила Софи.

– Что поделаешь: похоже, я сам позволил себя втянуть. Зря я вчера столько выпил. Впрочем, мне уже давно хотелось увидеть пивоварню изнутри. И потом, как сказал Оскар Уайльд, «простые удовольствия – это последнее прибежище для сложных натур», а что может быть незатейливей и приятней, чем удовольствие созерцать лицо мистера Баннета, когда я объявил ему свой гонорар?

– Да, с деньгами он расставаться не любит, – подтвердил Герберт. – Половина оборудования на пивоварне давно устарела, однако Баннет слишком консервативен, да еще и прижимист, чтобы его заменить. Но скажи-ка, Найджел, как ты поступишь, если окажется, что Трюфеля в самом деле кто-то столкнул?

– Наверное, расскажу об этом Баннету. Нехорошо все-таки бросать безобидную животину в кипящий котел только потому, что тебе не нравится ее хозяин.

– Постой-постой, ты, похоже, не до конца понимаешь. Баннет – человек исключительно мстительный. Ни один скряга не расстался бы с такой суммой только ради того, чтобы подтвердить свои дикие подозрения, если он в здравом уме, конечно. А я заявляю со всей серьезностью: Баннет не вполне нормален. Он, как часто бывает с людьми, которых никто не любит и в чьих руках сосредоточена почти вся власть, подвержен мании преследования. Убежденность в том, будто кто-то «убил» его собаку, – явный симптом. В то же время Баннет осознает, что выставляет себя на посмешище, поэтому для него так важно найти жертву.

– Да, я все понимаю. Но что это меняет?

– Ты знаешь, что Баннет сделает с человеком, чью вину ты сумеешь доказать?

– Уволит его?

– Для начала, – мрачно ответил доктор. – Он приложит все силы, чтобы сжить беднягу со свету. Другой работы тот не найдет – уж Баннет об этом позаботится. И если ты думаешь,

будто он позволит врагу жить припеваючи на пособие по безработице, то глубоко заблуждаешься.

– Уж насколько я падок на мелодраму, – запротестовал Найджел, – но это даже для меня чересчур.

Герберт (что было совсем на него не похоже) недовольно поморщился.

– Ты не хуже меня знаешь: люди с жаждой власти и манией преследования живут в мире мелодрамы. Я мог бы рассказать о Баннете такое...

– Никаких ужасов за едой, – вмешалась Софи. Ее голос был обманчиво равнодушным, но напряжение тут же спало. Лицо Герберта снова разгладилось, и он заговорил спокойнее:

– Обещай мне хотя бы, что если найдешь виновного, то первым делом посоветуешься со мной.

– Да, это справедливо. Я всегда могу вернуть Юстасу чек, если ты убедишь меня, что лучше придержать язык за зубами.

– Уж я постараюсь.

Герберт, судя по всему, хотел развить тему, однако под взглядом жены умолк. Их гость, скосив глаза к носу (как делал всегда, размышляя о чужом поведении), попытался постичь смысл этого взгляда, в котором ощущалась просьба и, кроме того, что-то очень близкое к панике. «Пусть все остается как есть», – решил Найджел.

Он начал спрашивать Герберта о его работе в Мэйден-Эстбери. Несмотря на свою специализацию в хирургии, тот посвятил себя общей практике. Преуспевающие врачи с Харли-стрит вызывали у него бурю негодования: «Мастера пускать пыль в глаза. Таким для успеха нужны только хороший портной, надутый дворецкий и достаточно наглости, чтобы брать с людей сто гиней за совет, который любой терапевт даст за две. Вымогатели во фраках! Единственное их оправдание в том, что они грабят богатых».

Когда Кэммисон говорил о работе – а говорил он о ней легко, без самодовольства и ложной скромности, – его смуглое бесстрастное лицо озарялось почти религиозным светом. Он смотрел сквозь Найджела на некий образ далекого будущего, видимого ему одному, и клеймил позором общественное устройство, при котором дети в рабочих кварталах живут впроголодь, а циничные воротилы не соблюдают правила охраны труда.

– ...и такое случается не только в промышленных районах. Да что говорить, даже в этом городе... – Кэммисон осекся, потом закончил: – За цену двух-трех линкоров мы могли бы оздоровить нацию. У нас есть знания, умения, ресурсы... Увы, власти предерживающие пускают их в дело, только чтобы поквитаться с соперниками и обезопасить свои доходы.

После завтрака доктор Кэммисон отправился к пациентам, а Найджел решил погулять по городу. Вернувшись к полудню, он застал хозяйку в маленьком садике позади дома. Найджел подвинул шезлонг и сел рядом с ней.

– Ваш муж – выдающийся человек. Он, должно быть, делает для города много хорошего.

– Да, наверное. Хотя ему приходится нелегко.

Найджел ждал разъяснений, но Софи замолчала.

Он разглядывал ее миловидное, искреннее лицо и очки в роговой оправе. Казалось, она нацепила их лишь затем, чтобы разыграть импровизированную шараду. Спицы в больших умелых руках вязали детскую кофточку. Странная особа: ее курьезное материнское спокойствие как будто ничто не могло потревожить. Найджел откинулся в шезлонге и тихо спросил:

– Почему вы боитесь мистера Баннета?

Ее руки на секунду застыли, потом снова принялись за вязание. Не поворачивая головы, Софи ответила:

– Это долгая история.

Найджелу вспомнился вчерашний разговор за чаем, и он в шутку спросил:

– Не слишком постыдная, надеюсь?

– Кто-то мог бы назвать ее так. – Ответ подкупал своей прямоотой. Софи посмотрела Найджелу в глаза и добавила: – Но не вы.

Несмотря на упрёк, тот все же остался доволен.

– Не обижайтесь. Я любопытен до чужих дел, это неизлечимо.

Слабый летний ветерок тронул вьющиеся розы и пошевелил тень от листвы на лужайке.

Найджел продолжил:

– Простите, что пристал к вам со стариной Баннетом, но я не могу представить его владельцем пивоварни. Во-первых, почему рабочие от него не сбегают?

– Для этого есть Джо.

– Джо?

– Младший брат Юстаса. Заведует кадрами. Рабочие за него в огонь и воду пойдут. Джо играет роль буфера, а также давно убеждает брата обновить оборудование.

– По-моему, Юстас готов отклонить любое предложение, если только оно исходит не от него.

– Да, вы правы.

Найджел вновь услышал в ее голосе осторожную нотку.

– Я бы хотел встретиться с Джо.

– Он в отпуске. У него своя лодка в Пулхэмптоне. Кажется, Джо собирался обогнуть мыс Лендс-Энд и отправиться вверх по валлийскому побережью. Я бы и сама не отказалась от такого приключения.

– Моторный катер?

– Нет, яхта. Джо презирает моторы, даже не ставит на яхту вспомогательный двигатель. Утверждает, что ни один уважающий себя моряк не пойдет на судне с мотором. Мы то и дело напоминаем ему, как это опасно – выходить в открытое море без напарника.

– Ему, похоже, стоило податься в моряки.

– Он и хотел, да Баннет довольно рано заставил брата работать на пивоварне.

– Значит, Юстас и его держит на поводке?

Миссис Кэммисон задумалась.

– Да, – наконец сказала она. – Боюсь, так. Джо – душа компании, всеобщий любимчик, и смелости ему не занимать, но чувствуется в нем моральная слабость. Мы очень привязаны к Джо Баннету.

«Во всех смыслах обличительное заявление», – подумал Найджел. Софи Кэммисон нравилась ему все больше.

В четыре часа, озабоченно глядя по сторонам, Найджел прошагал своей страусиной походкой через главные ворота пивоварни. По левую руку от него тянулась громадная кирпичная стена, из которой то здесь, то там струился пар. Над головой неровными рядами шли окна, кое-где не хватало стекол. За стеной начиналась высокая платформа, откуда рабочие вкатывали бочки в кузов грузовика.

Поднявшись на нее, Найджел увидел перед собой контору с вывеской «Справочная», а рядом – длинный туннель, по которому навстречу ему горделиво двигалась процессия бочек. С трудом подавив желание обнажить перед ними голову и забывшись от восхищения, сыщик не сразу услышал оклик бригадира:

– Поберегись!

Найджел глянул вверх, куда указывал палец, и судорожно отскочил в сторону. Туда, где он только что стоял, быстро опускался, крутясь на цепи, огромный ящик. Бригадир подмигнул:

– Опасное место, сэр. На днях трос лопнул.

– А под грузом кто-то был?

– Еще бы! Старину Джорджа с ног сбило. Плечо сломал – повезло еще, что по голове не попало.

– Что ж, наверное, трос теперь новый.

– Как бы не так! Залатали старый, и дело с концом. Вот вернется мистер Джо...

Тут что-то отвлекло внимание бригадира, и Найджел, бросив последний взгляд на скользящие по конвейеру бочки, направился в контору.

– Мистер Баннет? – переспросил клерк. – Кажется, на предприятии его нет. Сейчас уточню.

– Он сказал, что устроит мне сегодня обход. Мистер Сорн в курсе дела.

Клерк поднял трубку обычного квартирного телефона и не отказал себе в удовольствии попрепираться с бестелесным писком на том конце провода.

– Его нет, сэр, – сообщил наконец служащий. – Вами займется мистер Сорн. Сейчас он придет.

Не выказав ни малейшего желания возвращаться к работе, клерк стал развлекать Найджела последними новостями с ипподрома. Вскоре появился Гэбриэл Сорн. Белый костюм – вроде тех, какие носят крикетные судьи, – придавал ему на удивление деловой вид. Сорн провел посетителя через множество коридоров и вращающихся дверей. Последняя вела в помещение, где стоял такой адский шум, какого Найджел в жизни не слышал.

– Бутылочная! – прокричал Сорн ему в ухо.

Со всех сторон их окружали бутылки. Они степенно двигались по конвейерам, исчезали за поворотами, вздрагивали под наполняющими и закупоривающими аппаратами, покорно подставляли бока под этикетки и казались ничуть не менее одушевленными, чем неряшливые девицы, которые скупыми механическими движениями помогали течь бутылочному потоку и подпитывать им машину. На секунду эта марширующая армия показалась сыщику сонмом стеклянных богов, а девицы – их жрицами, неуклюже творящими нескончаемый ритуал. Чуть не оглохнув от рева машин и звона стекла, Найджел позволил вывести себя наружу.

Сорн увлек его дальше. Они поднялись по крутой лестнице высотой футов десять и попали в сигнальную будку, где Найджела представили высокому худому человеку с унылым лицом и густейшими, черными как смоль бровями.

– Мистер Барнс, наш главный пивовар.

– Рад знакомству, сэр.

– Можем выпить здесь чаю, а потом я поведу вас по кругам ада, – сказал Сорн.

Он подал Найджелу тарелку с крекерами и чашку. Мистер Барнс поскреб подбородок, налил в стакан пива, хмуро уставился на него, словно на какую-нибудь диковинку, и осторожно отпил.

– М-м... То, что надо, – мечтательно произнес пивовар и вдруг разом проглотил остальное.

– Не понимаю, как вы пьете это в четыре часа дня, – поморщился Сорн.

– Я не любитель чая. Вот уж отравы так отравы, аж кишки твердеют. Дубильный процесс, что с него взять.

– Шутка, – констатировал Сорн.

Найджел выглянул в зеркальное окно. Под платформой на бочке сидели и о чем-то болтали двое рабочих. А ведь бригадир и клерк, которых он встретил раньше, тоже были на редкость общительны.

– У вас что, производство стоит? Незаметно, чтобы эти ребята надрывались от работы. Мистер Барнс приложил палец к носу.

– Кот из дома...

– Старика Болваннета сегодня нет, – пояснил Сорн. – Иначе никто бы тут не расслажился.

Юношу, заметил Найджел, со вчерашнего вечера как будто подменили. Тогда он был вспыльчив, лез в спор и стремился произвести впечатление; теперь же вел себя вольготней, самоуверенней, больше располагал к себе, хотя и казался скучнее. Сюрреалист и ученик пивовара у него в голове явно жили в разных отсеках, и последний любил свою работу куда больше, чем первый готов был признать.

– Я думал, Баннет встретит меня, чтобы посвятить в дело Трюфеля, – сказал Найджел.

– Наверное, скоро придет, – равнодушно отозвался Сорн.

– Он ведь сегодня не объявлялся? – спросил мистер Барнс.

– Нет. Ну и что? Разве лучше, когда он здесь ошивается? Радуйтесь своей удаче, господин пивовар.

Гэбриэл был раздражителен без причины.

– Что верно, то верно, – с сомнением произнес Барнс, в котором явно боролись облегчение и лояльность нанимателю.

– Ошиваться вокруг и выскакивать из ниоткуда – одно из самых отталкивающих свойств Болваннета, – продолжал Сорн. – Ему приходится все время следить за рабочими. Он бы носил шлепанцы, но здесь это ни к чему – слишком шумно.

– Будет вам, мистер Сорн, зря вы так! – возразил мистер Барнс, которому высоко поднятые черные брови придавали сходство с Джорджем Роби⁴. Сорн воинственно выпятил губу, и Найджела вновь поразило сходство юноши... Да с кем же?

– Забыли случай с Эдом Парсонсом?

– Парню нездоровилось, всего-то делов.

– Чушь! – Сорн повернулся к Найджелу. – Эд Парсонс командует погрузочными работами. Однажды в самый разгар смены Баннет встал у него за спиной. Эд знал, что за ним наблюдают, но обернуться и не подумал. Баннет молча стоял и сверлил его своими змеиными глазками. В конце концов Эд не выдержал: его стошнило на месте, вырвало, вывернуло – вот что такое этот ваш Юстас Баннет!

– К чему ворошить прошлое, мистер Сорн? – пожал плечами главный пивовар. – Не будите лихо, я вам так скажу. И потом, мистеру Баннету, глядишь, недолго осталось быть в начальниках.

– Вот как? – взвился Сорн. – На что вы намекаете?

– Ходят разные слухи, – мрачно ответил мистер Барнс. – Не буду раскрывать источники, но я слышал, нас ждет слияние. Крупная фирма из Мидлендса – обойдемся без имен, – очень хочет выкупить предприятие у мистера Баннета.

– Глупости, быть того не может. – Гэбриэл говорил беззаботно, однако Найджел заметил, как по его лицу пробежала судорога. Юноша сглотнул комок в горле и добавил: – Ну, Стрейнджуэйс, идемте, если готовы.

Поскольку экскурсия по пивоварне чревата всякого рода пятнами на одежде, Найджелу выдали длинный белый халат.

Они с Гэбриэлом покинули утес мистера Барнса, оставив того наедине со вторым стаканом пива. Очередной проход и еще одна лестница вывели их на платформу, где стояли две емкости. Первая напоминала огромное корыто, вторая представляла собой медный шар и больше всего походила на кабину стратостата. Сорн указал на нее:

– Котел высокого давления. В нем кипятят хмель и солодовый экстракт. Работы очень много: сегодня было три отдельных кипячения, каждое занимает почти два с половиной

⁴ Джордж Роби (1869–1954) – британский комедийный актер, звезда мюзик-холла.

часа. Этот агрегат совсем недавно у нас появился. Гордость предприятия. Джо ради него пришлось попотеть: Юстас никак не хотел раскошелиться.

Гэбриэл повернулся к огромному корыту:

– Это старый котел. Дает большие потери за счет испарения. В него-то и угодил Трюфель.

Итак, Найджел попал на место преступления. Заглянуть в котел можно было, только привстав на цыпочки. Старый пес, который всю жизнь просидел на цепи, вряд ли сумел бы в него запрыгнуть.

– Скоро отведут воду. В пять часов котел высокого давления будут мыть.

Найджел удивился, как можно забраться в этот медный шар, и только потом заметил высоко на стенке люк.

Гэбриэл Сорн отправился дальше, разясняя тонкости всевозможных производственных процессов, в которые его спутник и не пытался вникнуть. Найджела, не имевшего склонности к механике, больше занимали не научные чудеса, а странные мелочи: хлопья пены, пухом лежавшие на полу, резкий запах пара, хмеля, дрожжей, солода и бог знает чего еще, зловещее подземелье с белеными стенами, где перешептывались сотни бочек, уложенные бок о бок на песчаном полу. В том же подвале внимание сыщика привлекла ниша, забранная ржавой железной решеткой.

– За решеткой колодец, – пояснил Сорн. – Его выкопали вскоре после того, как построили пивоварню. От химического состава воды зависит многое. Городская не годится для пива.

Он бросил сквозь решетку камень. Секунда, две, три – плюх! «Если хочешь от кого-то избавиться, – подумал Найджел, – лучшего места не найти». Впрочем, эта мысль уже не раз посещала его во время обхода. В самом деле, пивоварня на каждом углу являла соблазны для преступного ума. Им встретились цистерны для бракованного пива, куда месяцами никто не заглядывал, – прекрасный тайник для трупа. Или, к примеру, бродильные чаны. Сорн перебрался через перила на огромную деревянную платформу и поманил за собой Найджела.

– У нас под ногами бродильный чан. Если откинуть крышку и заглянуть внутрь, через полминуты вы потеряете сознание. Там полно углекислого газа.

Найджел признался, что верит ему на слово.

Трубы, трубы, трубы... Они наполняли пивоварню, словно кишки; исчезали за поворотами, уходили в потолок, лезли под ноги – и в каждой, разумеется, булькало чудесное пиво. «Неплохо», – подумал Найджел.

Жар местами был невыносим. Выйдя из котельной, сыщик начал жалеть, что чудесное пиво не булькает в нем самом. Он утер пот со лба.

– Хотите охладиться? – спросил Сорн. – Идемте.

Они одолели еще несколько вездесущих лестниц, миновали комнату, где хранились огромные мешки в полтора центнера каждый, и наконец встали перед железной дверью. Прежде чем открыть ее, Сорн щелкнул выключателем на стене.

– Аварийный звонок, – пояснил он. – Один парень как-то вечером случайно запер себя внутри. Он продержался, потому что бегал без остановки всю ночь напролет. После этого случая Баннету пришлось установить защитное устройство.

Найджел понял, от чего оно защищает, как только железная дверь открылась. Они вошли в холодильную камеру. Сквозняка не было, и поэтому холод не хлестал по лицу на входе, но секунду-другую спустя пробирал до костей. Вдоль стен, сверкая от инея, стояли исполинские белые холодильники. Сорн закрыл за собой дверь, и тишина, неожиданная после хаотичного рева машин, от которого у Найджела голова шла кругом, напомнила ледяное безмолвие Арктики. Найджел сам не заметил, как перешел на шепот. Чувствуя, что больше научных данных в него уже не поместится (Сорн взялся объяснять, как регулируют

температуру), сыщик от нечего делать провел пальцем по ложбинке холодильника, стоящего у двери. Дойдя до основания, палец уперся в маленький твердый предмет. Иней снизу подмерз, но предмет, хотя и заиндевевший, покрыться льдом не успел. Почти бессознательно Найджел сунул находку в карман, где она обречена была провести в забвении еще несколько дней, тем самым заметно усложнив решение причудливой задачи, которая уже поджидала снаружи.

Во время обхода Сорн вел себя профессионально и невозмутимо. Роль провожатого явно была для него привычна. Объяснения слетали с языка легко, почти бездумно, как отскакивают крикетные мячи от биты профессионального игрока. Найджелу между тем показалось, что за механистическим потоком подробностей ум Сорна занят чем-то иным. Раз или два в глазах юноши как будто мелькнул... страх? гнев? Или в нем боролись более сложные чувства? Найджелу вдруг подумалось, не Сорн ли убил собаку Баннета.

– Наверное, мне пора начать отрабатывать свой гонорар, – сказал сыщик.

– Что? Ах да, Трюфель... – рассеянно отозвался Сорн.

– С другой стороны, я мало что могу сделать, пока мистер Баннет не посвятит меня в подробности.

– Это необязательно. Я могу показать вам... место исчезновения, если хотите. – Сорн открыл дверь камеры и пропустил Найджела вперед. – Идемте в кабинет Юстаса. Может быть, он уже вернулся.

Однако в кабинет Юстаса они не пошли. Пока Сорн запирал за собой дверь, откуда-то справа донесся приглушенный крик. Найджел вдруг заметил, что машины уже не режут, как прежде, а только слабо жужжат. Он непроизвольно поднял рукав и взглянул на часы: было три минуты шестого. Смена подходила к концу. Какой-то человек, выпучив глаза, подбежал к Гэбриэлу Сорну, выпалил что-то, из чего Найджел разобрал только последние два слова – «высокого давления», – и побежал обратно. Сорн припустил за ним, Найджел не отставал. Через несколько секунд они опять карабкались на платформу, где стояли котлы. Мистер Барнс уже был наверху и ругал на чем свет стоит тех, кто пытался подняться по лестнице. За спиной у него стоял человек в грязной спецовке, синева которой подчеркивала бледность его лица. Барнс ткнул пальцем в котел высокого давления. Люк был открыт. Сорн поднялся и заглянул в него, но тут же замер, отпрянул и зашатался, будто на грани обморока. Ему помогли спуститься, и место у люка занял Найджел.

Внутри царил полумрак, однако он не мешал разглядеть бледную фигуру. Это был полурассыпавшийся скелет, только на этот раз не собачий. На костях висели намокшие лохмотья – все, что осталось от смокинга и крахмальной рубашки. Скелет усмехался.

Найджел отвел глаза от неприятного зрелища и спрыгнул на платформу. Мистер Барнс и мойщик, судя по их жалкому, растерянному виду, явно впервые в жизни столкнулись с чем-то подобным.

– Полицию и врача уже вызвали? – спросил Найджел и тут же подумал, что горстке костей в котле меньше всего сейчас нужен врач.

– Вызвали, сэр, – подтвердил пивовар. – Я как раз сказал Перси, чтобы...

– Послушайте, нужно вынуть его, нельзя ведь... – Сорн был на грани истерики.

Найджел схватил его за плечи и хорошенько встряхнул.

– Возьмите себя в руки, – приказал он.

Сорн устало утер лоб, как-то странно посмотрел на сыщика и, опять цепенея, прошептал неестественно серьезным голосом, будто пьяный:

– Вы знаете, кто внутри?

– Нет, – ответил Найджел, – надо установить.

Рассудив, что ждать полицию не имеет смысла, он велел мойщику принести фонарь и обыскать котел на случай, если внутри остались какие-нибудь улики.

– Не трогайте, э-э, тело, но если найдете что-то в карманах, можете взять. И наденьте перчатки, мы же не хотим оставить лишние отпечатки пальцев.

– Отпечатки? – Мистер Барнс с сомнением поскреб подбородок. – Вы полагаете, это убийство?

– В люк невозможно упасть случайно, а для самоубийства способ чересчур фантастический, вы не находите? – с легким раздражением ответил сыщик.

– Да уж, – ответил мистер Барнс. – Не послать ли кого проверить хмелеотделитель?

– Хмелеотделитель? – озадаченно переспросил Найджел.

– Он самый. Куда вытекает сусло. Какая-нибудь мелочь могла провалиться в сливную трубу.

– Верно. А вообще нет, лучше при мне.

Мойщик гулко громыхал внутри котла. Вскоре до наблюдателей донесся сдавленный стон. Сонливость мистера Барнса как рукой сняло, и он с неожиданным проворством подскочил к люку, откуда мойщик передал ему какой-то предмет.

– Гляньте, мистер Барнс, часы босса, к жилету были пристегнуты. – Он говорил взволнованным шепотом, но рабочие внизу платформы услышали и подхватили:

– Босс...

– Босс!

– Это босс внутри.

– Часы нашли.

– Кто-то сунул босса в котел.

– Как ты сказал, «сунул»?

Найджел изучал лица спутников. Мистер Барнс был потрясен и, казалось, едва поспевал за происходящим. Гэбриэл Сорн, судя по виду, производил в уме какие-то вычисления, от которых зависела его жизнь.

Мойщик вылез из люка, поморгал и извлек из глубоких карманов спецовки перьевую ручку, разбитое пенсне, несколько монет и электрический фонарик. Найджел велел ему разложить находки на полу.

Мистер Барнс потянулся к пенсне, но тут же медленно отвел руку, будто передумал гладить чужую собаку.

– Бьюсь об заклад, это очки мистера Баннета, – сказал он. – И ручка тоже его, «Уотерман». Вот и доказательства.

– Боюсь, этого будет мало, – возразил Найджел. Собравшиеся, судя по виду, были глубоко потрясены. Для невротика вроде Сорна подавление чувств могло быть опасно. Найджел заговорил бесстрастным лекторским тоном: – Чтобы установить личность, необходимо...

Однако он недолго держал внимание беспокойной публики. Тяжелой поступью к ним неторопливо приближался дородный инспектор полиции. Бок о бок с ним шел сержант, а позади, к удивлению Найджела, – доктор Кэммисон.

Инспектор взобрался по лестнице и обвел собрание подозрительным недовольным взглядом. Найджел вдруг понял, что инспектор скажет сейчас: «Ну-ка, что тут у вас происходит?» – и тот не обманул его ожиданий. Этот простой вопрос застал всех врасплох. Найджел взял переговоры на себя.

– Труп в котле, – сообщил он.

Инспектор недовольно посмотрел на него, но, сбитый с толку серьезным видом, сказал:

– Труп? Ладно, всему свое время. – Он достал блокнот и угрожающе спросил: – Кто его обнаружил?

Мойщик сглотнул комок в горле:

– Я, сэр.

– Имя?

Инспектор записал имя и адрес, задал те же вопросы Сорну и мистеру Барнсу, а затем, прищурившись, повернулся к Найджелу:

– А вас как зовут, сэр?

– Найджел Стрейнджуэйс.

– Вы здесь работаете?

– Нет, я...

– Так я и думал. И по какому вы делу, позвольте спросить?

Уязвленный воинственным и напыщенным тоном инспектора, сыщик отвечал:

– По какому делу? По собачьему.

Инспектор начал медленно закипать, и Найджел, не удержавшись, добавил:

– Помните, как писал поэт: «Пес околел, а человек живет, как жил доселе»? Так вот, у нас околели оба.

Глава 3

*Коль струнья чувства опадут
И мысли лягут в прах минут,
Душа и плоть сгорят навек —
Костьми продлится человек.*

Альфред Хаусман⁵

17 июля, 17.15–19.50

– По собачьему делу, говорите? – повторил инспектор, когда к нему вернулся дар речи. – Я что, должен принять это всерьез или вы изволите веселиться на мой счет?

Эта витиеватость на секунду придала полицейскому по-настоящему грозный вид. Мысленно отругав себя за то, что не удержался от зубоскальства, Найджел ответил:

– Нет, все очень серьезно. Хотя мне, конечно, стоило выразиться иначе. – И он коротко обрисовал поручение мистера Баннета.

– Мистер Стрейнджуэйс – частный сыскной агент, – сказал доктор Кэммисон, наблюдавший за их разговором с невозмутимым лицом, на котором едва заметно подрагивал мускул. – Он часто содействует властям в расследованиях. Его дядя – помощник комиссара лондонской полиции.

– Замечательно, – холодно отозвался инспектор. – Давайте приступим к делу. Меня, кстати, зовут Тайлер, а это сержант Толуорти. Кто покойный?

– Тело, судя по всему, не подлежит опознанию, – сказал Найджел. – Однако мистер Барнс подтвердил, что предметы, найденные в котле, принадлежат мистеру Юстасу Баннету.

При упоминании Баннета сержант Толуорти изъявил желание провалиться на месте и даже инспектор принял слегка ошалелый вид, но, впрочем, быстро взял себя в руки.

– Улики нельзя было трогать, – с осуждением заявил он. – Кто их вынес?

– Мойщик, – быстро ответил Найджел. – Я беру всю ответственность на себя.

Инспектор резко повернулся к мойщику и спросил его громким, задиристым голосом, явно прибереженным для общения с рабочим классом:

– Вы, значит? Опишите их положение.

Мойщик взволнованно облизал губы.

– Вот как все было, сэр. Часы висели на цепочке, а цепочка была продета в петлицу. Деньги лежали в кармане брюк, фонарик – в пиджаке. Ручку я нашел во внутреннем кармане. Очки висели сбоку. Зацепились той штукой, которая вокруг уха идет – понимаете?

– И больше вы ничего не нашли?

– Нет, сэр.

– Уверены?

– Что такое?

– Обыщите его, сержант.

Инспектор Тайлер работал наверняка. Бедняге мойщику ничего не оставалось, как позволить обыскать себя сверху донизу.

– Ну-ка, – сказал инспектор, когда с осмотром было покончено, – дайте фонарик. Пора и мне заглянуть внутрь.

⁵ Перевод А. Белякова.

Горстка людей на платформе молча наблюдала за тем, как он неуклюже протиснулся в люк. Зрителей впечатлило, что инспектор залез в котел, даже не взглянув перед тем на страшное содержимое. Изнутри донеслось шарканье. Затем – тишина. Казалось, прошла целая вечность. Сорн стоял, судорожно заламывая пальцы. Наконец в люке появилось лицо инспектора: он был бледнее обычного, под козырьком фуражки проступил пот. Тайлер осторожно и неуклюже выбрался из котла, отряхнул мундир и повернулся к пивовару.

– Хм-м... Эта отдушина, сливная труба, или как вы там ее называете... Куда она ведет?

– В хмелеотделитель, – ответил мистер Барнс. – Если ищете улики...

– Толуорти, хорошенько осмотрите этот хмелеотделитель, пусть вам покажут. Послушайте, кто у вас тут главный?

– Выходит, что я, – сказал мистер Барнс, – раз уж боссу крышка, а мистер Джо в отпуске.

– Очень хорошо. Мне скоро понадобится комната для допроса свидетелей, сможете устроить? Кабинет мистера Баннета, пожалуй, будет в самый раз.

– Он бы такое не одобрил! – потрясенно воскликнул мистер Барнс. Власть Юстаса Баннета не могла исчезнуть в одночасье.

Инспектор только отмахнулся.

– Если вы, доктор, желаете провести предварительный осмотр, сейчас самое время. Впрочем, вряд ли от этого будет польза, – мрачно добавил он. – Там и осматривать нечего. Тело прошу не двигать. Скоро приедет фотограф.

Доктор Кэммисон хотел было что-то сказать, но передумал и молча исчез в котле.

– Теперь я хотел бы знать, – продолжал Тайлер, – когда мистера Баннета последний раз видели живым?

– Сегодня его здесь не было, – ответил пивовар.

– Точно?

– Точней не бывает. Клерк в справочном бюро подтвердит. Уж мы бы знали, если бы он появился, будьте уверены.

– Незримое присутствие – это не про мистера Баннета, – добавил Гэбриэл Сорн.

Инспектор смерил его подозрительным взглядом. Сорн поспешно отвел глаза.

– С какого часа рабочие приходят на пивоварню?

– Самые ранние – к пяти утра.

– Мне нужно будет с ними поговорить. Они еще здесь?

– Нет, давно удрали.

– Пошлите за ними, пожалуйста.

Пивовар спустился с платформы и во весь голос сообщил стоявшим внизу рабочим, что Господь Всемогущий хочет видеть такого-то и такого-то, и чтобы мигом. Это откровение явно пришлось инспектору не по вкусу, и Найджел, желая сгладить эффект, сказал:

– Мистер Баннет с супругой прошлым вечером были на вечеринке у Кэммисонов и ушли между одиннадцатью и четвертью двенадцатого. Это дает нам точку отсчета. Баннет сказал, что с утра его на пивоварне не будет, но обещал встретить меня ближе к вечеру.

Маленькие голубые глазки инспектора вперились в Найджела.

– Вы не удивились, когда мистер Баннет не пришел на встречу?

– Не очень. Я ждал его с минуты на минуту. Мистер Сорн любезно согласился показать мне пивоварню.

– И мистер Баннет не оставил для вас сообщения?

– Насколько я знаю, нет.

– Хм-м, странно. – Инспектор Тайлер источал атмосферу подозрительности, которая сырым туманом укутывала каждое его слово и до костей пробирала всех, к кому он обра-

щался. Найджел заключил, что перед ним человек с амбициями, которые, к его вящему неудовольствию, не спешат воплощаться в жизнь.

– Первым делом, – продолжал инспектор, – надо установить личность и как можно точнее определить время смерти.

– Это будет совсем непросто, – сухо заметил Герберт Кэммисон, вылезая из котла. – Все мягкие ткани выварились, поэтому можно не рассчитывать на родимые пятна. Нижняя челюсть и мелкие кости отъединились. Конечно, мы их найдем, однако на то, чтобы собрать скелет, потребуется какое-то время. Повезло, что одежда помогла удержать останки вместе. Если есть врожденный дефект костей или, скажем, залеченная трещина, то при тщательном осмотре я их обнаружу. Возможно, это даст вам зацепку. Сейчас могу сказать только, что покойный ростом и сложением напоминает Баннета, одежда определенно его, а волосы похожи по цвету. Как вы заметили, тело зацепилось за паровой змеевик. Одного жара трубы хватило бы, чтобы сжечь труп до костей. Между прочим, благодаря этому он не опустился на дно котла и не заткнул сливную трубу. Кстати, где зубы?

– Зубы? – протянул инспектор. – Верно, их нет, я тоже заметил.

– У Баннета был полный комплект вставных зубов. Сейчас челюстные кости пусты, а нижняя к тому же отделилась от черепа. Придется вам их поискать. Это лучшее средство опознания.

– Я этим займусь, сэр, – немного сварливо ответил инспектор. – Что вы скажете о времени смерти?

– Здесь я вам не помогу. Аутопсия тоже ничего не даст. Исследовать попросту нечего. Могу только сказать, что тело, судя по состоянию, пробыло в котле по меньшей мере шесть часов.

Инспектор повернулся к мистеру Барнсу.

– Утром, прежде чем загрузить в котел хмель и все прочее, люк открывают?

– Нет.

– А в котором часу начинается кипячение?

– В восемь.

– Выходит, тело мистера Баннета – если это действительно он – поместили в котел между четвертью двенадцатого прошлого вечера и восемью часами утра. – Заметив, с каким вниманием его слушают, инспектор пришел в благодушное настроение. – Мистер Барнс, мне понадобится имя и адрес ночного сторожа... Спасибо. Что ж, доктор Кэммисон, здесь ваши дела закончены. Я вот подумал: что, если вы позвоните вдов... миссис Баннет? Вы семейный врач, кому как не вам это сделать. Не тревожьте ее понапрасну, просто узнайте, во сколько ее муж вышел сегодня из дома. Придумайте отговорку. Скажите, что мистер Стрейнджуэйс хочет узнать, почему тот не явился на встречу, – как-нибудь этак.

– Хорошо, – сказал Кэммисон.

– Еще минуту, доктор, – добавил Тайлер. – Как вам кажется, это мог быть несчастный случай или самоубийство? Оно, конечно, не стоит и спрашивать, но все-таки...

– Несчастный случай исключен, – отрезал Кэммисон. – Самоубийство? Это значило бы, что бедняга забрался внутрь, закрыл за собой люк (притом что изнутри это невозможно сделать) – а иначе с утра, перед тем как заполнить котел, кто-нибудь заметил бы беспорядок, – затем лег и приготовился свариться заживо. То же касается и предположения, что он прыгнул внутрь сегодня днем, когда кипячение уже началось: люк нашли бы открытым, и мы бы об этом знали.

– Никто не докладывал об открытом люке, мистер Барнс? – спросил инспектор.

– Не докладывал. Если хотите, завтра я разузнаю наверняка.

– Будьте добры.

– Не сомневайтесь: теоретически самоубийство нельзя исключить, но это за пределами человеческих возможностей, – сказал Кэммисон.

– Я так и думал, – кивнул Тайлер. – Это же относится и к телу, верно? Теоретически останки могут принадлежать кому-то еще, но на практике это определенно мистер Баннет?

– Не берусь утверждать, – с профессиональной осторожностью ответил Кэммисон. – Кстати, есть еще одно обстоятельство. Убийца не смог бы затолкать жертву в люк, не лишив ее сознания. Если в ход пошел наркотик, яд или анестетик, я не смогу вам помочь. Если были затронуты кости – скажем, жертву ударили по голове, – осмотр позволит это установить.

Герберт Кэммисон пошел к телефону. Тем временем прибыли фотограф и дактилоскопист. Найджел рассеянно наблюдал за их работой, пытаясь поймать какое-то смутное воспоминание. Котел. Кипячение. Ах да!

– Сорн, вы говорили, что сегодня в этом котле было три отдельных кипячения?

– Да.

– Примерно по два с половиной часа каждое?

– Да, более или менее.

– Послушайте, инспектор. Доктор Кэммисон сказал, что тело по крайней мере шесть часов пробыло в кипятке. Это значит – все три кипячения. А отсюда следует, что кто бы ни был в котле – Баннет или кто-то другой, – его поместили туда раньше восьми утра.

– Да, сэр. Похоже, так и есть. Я не знал про три кипячения. Думал, котел весь день работает без перерыва.

Найджел чувствовал, что из этого следует еще какой-то вывод, но для его уставших мозгов загадка была непосильной. В этот момент появился сержант Толуорти – запыхавшийся, перепачканный и торжествующий. Его простая крестьянская голова крепко сидела на кирпично-красной шее. Он развернул платок, который бережно нес в руках, и предъявил трофеи, почти такие же зловещие, как и останки в котле: два покоробившихся протеза, перстень-печатку, россыпь зубов и несколько мелких косточек. Тайлер порывисто повернулся к мистру Барнсу:

– Узнаете этот перстень?

– Точно хозяйский. Видите герб?

– Должно быть, соскользнул с пальца, когда мясо сошло. Сержант, скажите носильщикам, пусть вынимают тело. Через полчаса я буду в участке. А вот и доктор... Ну, что она вам сказала?

Найджел почувствовал напряжение. Мистер Барнс сдвинул черные брови. Гэбриэл Сорн не отрывал взгляда от своих рук. Даже инспектора взяло любопытство – и служебного гонора как не бывало. Впрочем, на лице Герберта Кэммисона не дрогнула ни одна мышца. Ровно таким же тоном – каким он сказал бы: «Держите пациента в тепле, его немного лихорадит, но беспокоиться не о чем» – доктор произнес:

– Миссис Баннет говорит, что сегодня не видела мужа. Он не явился к завтраку.

– Не явился к завтраку? – воскликнул инспектор. – Вы хотите сказать, что покойного целый день не было дома, а его жена не предприняла никаких шагов? – Он яростно уставился на Кэммисона, будто в странном поведении миссис Баннет был виноват доктор.

– Похоже на то, – невозмутимо ответил тот. – Лучше поговорите с ней сами. Если угодно, можем сейчас же туда отправиться. Я сообщу ей новость о нашей находке, и, если миссис Баннет будет в состоянии отвечать, вы ее допросите.

Инспектор раздал еще несколько указаний и направился к выходу.

– Я вынужден попросить вас остаться, мистер Барнс, – сказал он напоследок. – Сейчас я побеседую с миссис Баннет, а потом вернусь, осмотрю кабинет ее мужа, поговорю с рабочими. Будьте готовы, пожалуйста.

Вид у мистера Барнса был как никогда подавленный.

– Буду, не беспокойтесь. Эх, придется звонить на акцизную таможню. Целый день прося на пивоварне огорчат кого хочешь.

«И это, – подумалось Найджелу, – учитывая характер покойного, было самым здравым взглядом на события дня». Сыщик и сам разрывался между любопытством и отвращением. Ему совсем не хотелось выслеживать того, кто прикончил владельца пивоварни: смерть Баннета никого не огорчила, в этом сомнений не было. И все же Найджел чувствовал себя вовлеченным, и не только из-за Трюфеля. Софи Кэммисон чего-то недоговаривала. Он все не мог забыть, как она сжала его плечо и попросила больше «не дерзить мистеру Баннету» – будто призрак коснулся ледяным пальцем. Что за страх она передала ему? Найджел нетерпеливо откинул со лба светлую прядь. «Нет, все это вздор, и меня он совершенно не касается».

– Что ж, я, пожалуй, пойду.

– Разве ты не с нами? – неожиданно спросил Кэммисон.

Инспектор нахмурился.

– Это против правил, сэр. Я такое не одоб...

– Послушайте, – перебил его доктор, – Стрейнджуэйс в этом деле не посторонний. Смерть Трюфеля может иметь отношение к убийству, которое вы расследуете, кем бы ни оказался убитый.

– Бросьте, – процедил инспектор. – Не нужно все усложнять.

Кэммисон терпеливо объяснил:

– Конечно, это может быть совпадением. Но разве не странно, что в двухнедельный срок сначала пса, а потом его хозяина убивают одним и тем же способом? Что, если смерть Трюфеля была репетицией?

Даже инспектора поразила такая гипотеза, тем более неприятная из-за спокойного, деловитого тона, которым она была высказана.

– Может, в этом что-то и есть, – признал он. – Но порядок превыше всего, и...

– Черт побери, мы говорим об убийстве или дорожной пробке? Если хотите соблности все формальности, позвоните сэру Джону Стрейнджуэйсу в Скотленд-Ярд. Он даст вам необходимые рекомендации.

Так вышло, что Найджел неожиданно для себя самого покинул пивоварню в компании инспектора и доктора. Мнения детектива даже не спрашивали; и Тайлер, и Кэммисон, похоже, нисколько не сомневались, что ему, как ищейке на поводке, не терпится приступить к делу. Что ж, пусть так.

Баннет жил всего в минуте ходьбы от пивоварни. Вычурный кирпичный дом на отшибе резко выделялся на фоне спокойного, освященного временем достоинства Мэйдена-Эстбери. «Подходящее жилище для его покойного владельца», – подумал Найджел.

Доктор Кэммисон оставил их в столовой при кухне и отправился поговорить с миссис Баннет. Инспектор сидел неподвижно и прямо, сложив на коленях руки и глядя прямо перед собой. Найджел беспокойно ходил по комнате, рассеянно трогая мебель. Его внимание привлек поясной студийный фотопортрет на каминной полке. Мужчина средних лет – круглое лицо, густо напояженные волосы с пробором посередине, пышные усы, лишь отчасти маскирующие бессилие маленького слащавого рта. В глазах застыло сердечное и чуть сконфуженное выражение. Найджел решил, что такой человек сохранил бы на гражданке военный чин – да, ему бы нравилось обращение «капитан». Он бы наверняка встречал знакомых словами «Ну, старики, как живете?», угощал всех выпивкой и рассказывал неприличные анекдоты, а больше всего на свете, сам того не зная, боялся бы потерять популярность, особенно среди людей «низкого положения». Что до профессии, он стал бы неудачливым птицеводом или удачливым коммивояжером. «Должно быть, мастак сочинять отговорки», – подумал Найджел и повернулся к инспектору:

– Знаете, кто это?

– Это Джо Баннет, брат Юстаса Баннета.

– Ну и ну! А на брата совсем не похож. По крайней мере, выражение лица совершенно другое. Черты, впрочем, те же, если взглядеться.

Куда больше его удивили слова Софи о том, что Кэммисоны очень привязаны к Джо, – тот совсем не походил на человека их сорта. Найджел еще обдумывал это, когда в дверях появился доктор.

– Миссис Баннет готова говорить с вами. Я сказал, что у нас есть серьезные основания считать ее мужа погибшим. Советую умолчать о неприятных подробностях.

– Как она приняла новость? – спросил инспектор.

– Ну... она явно потрясена. – Казалось, Кэммисон чего-то недоговаривает. Даже Тайлер воззрился на доктора с любопытством, будто ожидал объяснений, но тот без дальнейших слов повел их в гостиную.

Пока инспектор выражал соболезнования, Найджел изучал Эмили Баннет. Ее затуманенный взгляд, лихорадочный румянец и дрожащие руки, растрепанная копна седых волос с упавшей на ухо прядью, неряшливое и безвкусное платье, дрожь в уголках длинных поникших губ – все это напомнило Найджелу... о чем же? О чем-то очень далеком от образа скорбящей вдовы. Да, она была точь-в-точь одна из тех чудаковатых старых дев, которые, прожив безупречную жизнь, вдруг без видимой причины пускаются во все тяжкие, напиваются, громогласно бранятся на улице и ставят в ужасно неловкое положение полицейских. Много лет назад Найджелу довелось увидеть, как одну такую леди вытащили из увеселительного заведения под аплодисменты зевак.

Инспектор Тайлер тем временем говорил:

– Итак, мадам, вы утверждаете, что не видели мужа с тех пор, как прошлым вечером оба вернулись домой в двадцать три двадцать. Вы сразу отправились в постель. Ваш муж, который занимал отдельную спальню, сказал, что хочет поработать. Вы скоро уснули и не слышали, как он поднялся к себе. Верно?

– Да, сэр.

Это «сэр» и чуть просторечный акцент – совсем непохожий на испуганный, но все-таки исполненный благородства тон, каким миссис Баннет говорила еще вчера, – потрясли Найджела. Брак с Юстасом Баннетом был неравным. Смерть мужа освободила ее от муштры: теперь вдова наконец могла стать собой. Перед ними стояла настоящая Эмили Баннет.

Инспектора слово «сэр» тоже смутило. Эффект, впрочем, был скорее подсознательным: Тайлер взял воинственный тон, к которому уже прибегал в разговоре с мойщиком на пивоварне.

– И вы утверждаете, что, не увидев мужа за завтраком и позднее обнаружив его постель неразобранной, ничего не предприняли? Вы даже не позвонили на пивоварню, чтобы навести о нем справки?

Угрожающие нотки как будто напомнили Эмили Баннет о Юстасе и о том, что ей положено вести себя «как леди». К ней вернулись хорошие манеры.

– Да... то есть нет. Понимаете, мой муж терпеть не может... не мог любое вмешательство. Ему бы не понравилось, что я поднимаю шум. Если бы он узнал, что я искала его на пивоварне, он бы очень разозлился.

– А то, что он не спал в своей постели, не показалось вам, скажем... странным?

Густо покраснев и нервно скомкав платок, миссис Баннет подняла голову и упрямо прошептала:

– Нет, не показалось. Такое бывало и раньше.

– Какого дьявола вы... – вышел из себя инспектор.

Доктор Кэммисон, не повышая голоса, прервал его:

– Вы хотите сказать, ваш супруг посещал других женщин?

– Да, – чуть слышно подтвердила она. – И если не находил их здесь, то устраивал себе отпуск в Париже. Он даже не скрывал от меня правду – слишком презирал, чтобы о таком беспокоиться. – Ее голос сорвался, и из глаз наконец полились слезы.

После этого в доме пробыли недолго. Было крайне важно вернуть из отпуска Джо, но миссис Баннет знала только, что он отправился из Пулхэмптона к северу – вокруг мыса Лендс-Энд и вдоль валлийского побережья. Тайлеру ничего не оставалось, как уведомить порты по маршруту и ждать новостей. Слуга Баннетов подтвердил, что хозяева вернулись вечером около 23.20; затем он лег спать. Инспектор выяснил имя дантиста, который мог опознать зубной протез. Задав еще несколько вопросов, они покинули дом. Тайлер назначил время для аутопсии и сухо распрощался, оставив Найджела и Герберта одних.

– Миссис Баннет не очень-то скорбит, – заметил Найджел, когда они поднимались в гору по узкой улочке. – Впрочем, неудивительно. Она теперь свободна. «Когда вышел Израиль из Египта...»

Герберт Кэммисон посмотрел на него в упор.

– Услышав, что ее муж, возможно, мертв, она первым делом спросила: «Мертв? Юстас мертв? Вы меня не обманываете? Он правда умер? Я не верю». Бедняжка в шоке, разумеется. Она не отвечала за свои слова, – добавил он со значением.

– Разумеется, – без выражения подтвердил Найджел.

– Должен признать, я даже испугался. У нее был такой вид, словно ей вручили подарок. Раскрасневшаяся, растрепанная, жалкая. Ты тоже заметил ее акцент?

– Заметил.

– Странно, я о нем не подозревал. Что ж, так-то вот. И смотри, Найджел, Тайлеру об этом ни слова. Он слишком честолюбив. В этом деле у него только один интерес – кого-нибудь арестовать, и как можно скорей. Того, что я тебе рассказал, ему достаточно, чтобы упечь миссис Баннет за решетку. Толуорти – другое дело. Он парень что надо, мы с ним часто играем в крикет. Но с Тайлером держись настороже – одно слово...

Доктор Кэммисон произнес слово.

– Литота⁶, как она есть, – заключил Найджел.

⁶ Литота – фигура речи, выражающая преуменьшение или нарочитое смягчение.

Глава 4

*И некий Пинч, с голодной мордой
И на скелет похожий шарлатан.*

*Уильям Шекспир,
«Комедия ошибок»⁷*

17 июля, 20.55–22.30

– Вам так нравится пить кофе с пола? – спросила Софи Кэммисон. – Столик ведь под рукой.

Найджел поднял с пола чашку и поставил ее на колени. Он сидел, привалившись к одному подлокотнику глубокого кресла и закинув ноги на другой. Ковер вокруг был усеян сигаретным пеплом. При виде этого зрелища Софи вздохнула со смесью раздражения и обреченности: ее гость не отличался любовью к порядку. Что толку стратегически расставлять по дому пепельницы, если Найджел их попросту не замечает? Странно было тревожиться о таких пустяках после того, что рассказал ей Герберт, пока она переодевалась к обеду. Юстас Баннет мертв, а у нее на уме грязный ковер. Пепел к пеплу, прах к праху. Ей до сих пор не верилось, что такое возможно.

– О чем вы задумались? – спросил Найджел.

– О том, как глупо беспокоиться о ковре после того... после того, что случилось.

– О ковре? Ох, простите, пожалуйста! Какую я грязь развел, вот неряха!

Найджел, будто ребенок, скорчил потешную мину – того и гляди расплачется. Он мигом выбрался из кресла, едва не опрокинув кофейную чашку, схватил у камина метелку с совком для угля и начал прибираться за собой. Миссис Кэммисон наблюдала за ним, не прекращая вязать. Неловкость Найджела и раздражала, и умиляла ее. Уборка целиком поглотила его внимание: как по-детски мужчины увлекаются пустяками! Сложно представить, что этот раскрасневшийся увалень, который так неумело обращается с веником и совком, когда-то вычислял убийц, пробираясь по закоулкам их извращенного разума, написал книгу о каролингских поэтах и женился на одной из самых замечательных женщин своего поколения.

– Зачем вы это делаете? – вдруг спросила Софи.

– Делаю что? – Найджел, не вставая с колен, непонимающе посмотрел на нее. – Это меньшее, чем я могу искупить вину за погубленный дивный ковер!

– Я не об этом, – ответила Софи, слегка уязвленная тем, что ее принимают за фанатичную домохозяйку. – Зачем вы беретесь расследовать преступления?

– Иногда словно против воли, – беззаботно откликнулся Найджел.

Спицы в руках Софи Кэммисон на секунду застыли. Когда она опять принялась вязать, Найджел отметил, что в ее движениях уже не было прежнего автоматизма. Она будто отправила пальцам срочную телеграмму: «Давайте же! Говорю вам, вяжите! Не подводите меня!»

– Иногда? – заметила Софи. – Зачем вообще за такое браться?

– Все лучше, чем сидеть без дела. По-моему, это единственная профессия, к которой можно приложить классическое образование.

– Не смейтесь надо мной. Я говорю серьезно.

⁷ Перевод А. Некора.

– Я тоже. Если когда-нибудь в пору зеленой юности, как ее называет мой дядя-шутник, вам приходилось переводить экспромтом с латыни, вы поймете, что я имею в виду. Параллель между переводом и поиском преступника очевидна. Переводчик имеет дело с длинным предложением, полным инверсий, – не более чем нелепым набором слов. Так и преступление: на первый взгляд в нем нет никакого смысла. Подлежащее – это жертва; сказуемое – *modus operandi*, способ совершения убийства; дополнение – мотив. Вот три неотъемлемых составных части всякого предложения и всякого преступления. Первым делом вы определяете подлежащее, затем ищите сказуемое, и вместе они приводят вас к дополнению. Однако преступник – общий смысл – еще не известен. У вас есть груда придаточных, одни могут дать зацепку, другие сбивают со следа. Нужно мысленно разделить и собрать их заново так, чтобы усилить смысл целого. Такое упражнение в анализе и синтезе – лучшая тренировка для сыщика.

Софи его рассуждения потрясли.

– Как сухо и бесчувственно! – воскликнула она. – Вы совершенно исключили человеческий фактор.

– Нет-нет, – запротестовал Найджел. – Конечно, любая аналогия не отражает всей правды. Однако вернемся к классическому образованию. Когда вы учитесь писать сочинения на латыни и греческом языке в стиле определенных авторов, вы первым делом узнаете, что лучшие из них постоянно нарушают правила грамматики. У каждого свои особенности. Это в равной степени относится и к преступникам – особенно к убийцам. Для того чтобы написать хорошее сочинение, мало быть подражателем – нужно с головой влезть в чужую кожу. Нужно думать точно так же, как думали Фукидид, Ливий, Цицерон, Софокл и Вергилий. Так и сыщик – для того чтобы воссоздать картину преступления, он должен прочувствовать характер того, кто его совершил.

Миссис Кэммисон изумленно смотрела на гостя. Неужели он верит во всю эту чушь, или... нет, догадалась она, он просто хочет отвлечь ее от чудовищного видения: Юстас Баннет – месиво из костей и волос, осевшее мешком на дне котла. Знает ли Найджел, как упорно ее преследует этот образ? Что ж, надо отдать сыщику должное, он и впрямь заставил на минуту забыть. Но догадывается ли Найджел о другой, куда более страшной мысли, в которой Софи до сих пор не смела себе признаться, – о том кошмаре, что она, крепко зажмурившись, гнала от себя прочь? Найджел вдруг напугал ее. Ей захотелось, чтобы Герберт был рядом... Увы, его посреди обеда вызвали к пациенту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.